

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

Русскую деревню первого пореформенного десятилетия невозможно представить себе без фигуры мирового посредника. Все документы этого времени, связанные с осуществлением крестьянской реформы 1861 г. и складывающимися на ее основе новыми отношениями помещика и крестьянина, крестьянина и государства, в той или иной степени касаются деятельности мировых посредников; все мемуаристы, говоря об этом периоде деревенской жизни, обязательно пишут о них. Это и естественно, так как мировые по крестьянским делам учреждения, самым многочисленным звеном которых были мировые посредники, создавались специально для проведения преобразований и регулирования крестьянского вопроса на местах. Однако если обратиться к литературе, то окажется, что история этого скоро скончавшегося детища крестьянской реформы далеко не изучена. Должно быть, это объясняется тем, что и для официальной и для либеральной историографии бесславная судьба его являлась темой, которой лучше не касаться. Советских же историков привлекали в первую очередь вопросы положения крестьян после «освобождения», главным образом условия землевладения и землепользования и развитие в это время крестьянского движения.

В итоге непосредственно истории мировых посредников посвящена единственная работа — небольшая статья известного либерального историографа реформы А. А. Корнилова.¹ Статья посвящена в большей своей части деятелям первого периода существования их, так называемым посредникам «первого призыва», т. е. первых трех пореформенных лет, работе которых он, в полном соответствии и с официальной правительственной версией, дает восторженную оценку, изображая их некими рыцарями без страха и упрека, вставшими на защиту прав «меньших братьев».

---

¹ А. А. Корнилов. Деятельность мировых посредников. В кн.: Великая реформа, т. V. М., 1911, стр. 237—252.

Вышедшие в начале XX в. работы чиновников Земского отдела Министерства внутренних дел И. М. Страховского и М. М. Катаева освещают частично эту же проблему.² Ей отведен один из разделов статьи Страховского (стр. 389—404) и полтора выпуска из трех книг Катаева (чч. 1—2). Страховский писал по материалам трехтомного дела, хранящегося ныне в фонде Земского отдела,³ дела, где отложились многие, но не все из бумаг, связанных с пересмотром в 1868—1874 гг. в центральных и высших правительственных учреждениях вопроса о посредниках. М. М. Катаев в своей работе основывался полностью на нормативных документах, регулировавших круг прав и обязанностей посредников, причем наибольшее внимание уделил предыстории института, разработке в 1858—1861 гг. Положения о крестьянских учреждениях. Обе работы отражают в очень кратком виде лишь одну сторону истории мировых посредников, а именно движение законодательства, оставляя в стороне «живую» историю их, которая только и может объяснить излагаемые ими законодательные изменения в правовом положении этого учреждения.

Советская историография вообще не имеет специальных, даже небольших по объему работ по этому вопросу, хотя ни один исследователь аграрной истории 60-х годов XIX в. не обходится без упоминания о деятельности мировых посредников. Деятельности этого института больше всего места отвели в своих исследованиях П. А. Зайончковский и М. Е. Найденев, но это лишь очень краткая характеристика, относящаяся только к небольшому отрезку времени.⁴

Между тем история института мировых посредников является очень примечательной страницей в истории пореформенных лет и пореформенной внутренней политики. Буквально все принципы и учреждения крестьянской реформы раньше или позже подверглись ревизии и претерпели существенные изменения. Особенностью судьбы посредников был тот факт, что попытки изменения и самое изменение их правового положения начались немедленно после провозглашения отмены крепостного права и продолжались непрерывно на всем протяжении их существования. Несостоятельность «великой реформы», недовольство ее принципами со стороны большинства помещиков и всего крестьянства, экономические просчеты, допущенные в ходе ее разработки, прежде

---

² И. М. Страховский. Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. В кн.: Крестьянский строй, т. 1. СПб., 1905, стр. 371—455; М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. (Исторический очерк их образования и норм их деятельности), чч. 1—3. СПб., 1911—1912.

³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, чч. I—III.

⁴ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 88—98; М. Найденев. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 170—192.

всего отразились именно на правительственной политике в отношении мировых посредников, поскольку правительство прежде всего попыталось решить надвигающиеся со всех сторон проблемы путем перестройки этого учреждения, надеясь выйти из затруднений за счет ловкой и энергичной деятельности нескольких сотен лиц, ведавших на местах крестьянскими делами. Такая политика самым естественным образом вытекала из тех принципов, на которых строились расчеты инициаторов реформы 19 февраля. Они ставили неразрешимую задачу полного сохранения экономического могущества помещиков при «улучшении быта» крестьянства и обеспечении платежеспособности его хозяйства. Поскольку вторая часть задачи покоилась на более чем шатких экономических основаниях, то надежды на ее осуществление и оставалось только возложить на расторопность лиц, проводивших ее в жизнь.

Права и обязанности мировых посредников регулировались «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях»,⁵ вошедшем в комплекс актов реформы 19 февраля 1861 г.

Должность посредника учреждалась как выборная и оплачиваемая (он получал 1500 руб. в год на расходы, связанные с несением службы), причем оплата производилась за счет местных земских сборов, что вскоре стало предметом постоянного недовольства позже созданных земских учреждений. Возможность замещения должности ограничивалась сословным, имущественным и образовательным цензами. Право избрания в посредники получали местные потомственные дворяне — помещики, владевшие в общей сложности не менее чем 500 десятинами земли. Земельный ценз снижался до 150 десятин, если выдвигаемый в мировые посредники помещик удовлетворял цензу образовательному, т. е. окончил учебное заведение и получил право на чин XII класса. Предусматривались и случаи снижения цензов или их взаимозамены при недостатке кандидатов, отвечающих перечисленным требованиям. Потомственное дворянство, например, могло быть заменено личным при условии двойного возрастания размера земельного ценза.

По проекту редакционных комиссий, избрание мировых посредников предоставлялось крестьянам. Столь странный «демократизм» диктовался соображениями самыми реакционными, рассчитанными на наиболее удобное проведение помещичьей политики при моральном подавлении крестьянства, добровольно сделавшего выбор. Об этом откровенно повествует составленная в октябре 1860 г. записка члена-эксперта Редакционных комиссий известного либерала князя В. А. Черкасского, предназначенная для члена Главного комитета по крестьянскому делу

⁵ ИСЗ II, т. XXXVI, № 36660.

К. В. Чевкина и озаглавленная «О мировых посредниках».⁶ В качестве мотивов, которыми руководствовались деятели Редакционных комиссий, предлагая право избрания посредников предоставить крестьянам, он приводит, в частности, следующие два: «во-первых, крестьяне, избрав сами посредников, будут иметь к ним большее доверие и, во всяком случае, с меньшим ропотом вынесут возможные с их стороны злоупотребления; во-вторых, мировые посредники, вооруженные нравственно над крестьянами властью, истекающею из начала свободного избрания, будут иметь возможность судить крестьян строже и строже прилагать закон в тех случаях, когда последний будет почему-либо неприятен крестьянам».⁷ Однако эта мысль была отвергнута Главным комитетом по крестьянскому делу, правда, не окончательно, а лишь на первые три года, после чего порядок выборов должен был быть рассмотрен и определен «особыми правилами».

По Положению, выбор посредников был предоставлен помещикам и губернатору. Уездный предводитель дворянства составлял список на всех дворян уезда, имеющих право на замещение должности посредника, уездное дворянское собрание поверяло список, исключая из него лиц, обвиненных ранее судом или находящихся в это время под судом или следствием. Губернатор окончательно отбирал кандидатов по соглашению с уездными предводителями дворянства и делал представление в Сенат. Окончательное утверждение посредника в должности производилось Сенатом, которому единственно принадлежало и право отстранения его от службы, поскольку ст. 21 Положения посредники уравнивались в правах с уездными предводителями дворянства, отстранявшимися от должности не иначе, как по решению Сената, причем с обязательным преданием суду, по приговору которого они только и могли быть уволены.⁸

Такая большая самостоятельность этой должности, ее независимость от местной администрации были обусловлены как стремлением правительства привлечь в ряды посредников наиболее богатую часть дворянства, которую могло привлечь не жалование, а почетность и привилегированность должности, возможность самостоятельности в действиях, так и стоявшими перед посредниками задачами, не поддающимися мелочному контролю и регламентированию.

В обязанности посредников входило составление и введение в действие уставных грамот, свидетельствование актов, оформ-

---

⁶ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии, т. I, кн. 2. М., 1904, прил., стр. 59—61.

⁷ Там же, стр. 59.

⁸ Устав о службе по выборам, ст. 266 и 269. Свод законов, изд. 1857 г., т. III.

ляющих заключаемые между помещиками и временнообязанными крестьянами сделки, рассмотрение в качестве первой инстанции возникающих на основе обязательных отношений недоразумений, споров и жалоб, дела о порубках и потравах, надзор над должностными лицами общественного крестьянского самоуправления. На посредников ложилась все обязанности по обеспечению исправного отбывания крестьянами повинностей в пользу помещиков до и после введения уставных грамот, все дела по оформлению выкупных сделок и взысканию с крестьян выкупных платежей. Это были важнейшие вопросы, касавшиеся финансовых интересов помещика и государства, неоднократно всплывавшие потом при оценке деятельности посредников. Посредник частично наследовал вотчинную власть помещика, получая право наложения штрафа, заключения под арест и наказания розгой.

При этом важнейшим принципом их деятельности являлся специально оговоренный Положением и неоднократно подчеркивавшийся метод «примирения» интересов помещика и крестьянина. Практически это означало правительственное признание необходимости при отстаивании интересов помещиков в крайнем случае известного компромисса, уступки и при проведении реформы, как это было признано ранее при ее разработке. «Примирительный дух» действий посредников, кстати сказать являвшийся одним из принципов русского либерализма, «усиленно замазывавшего антагонистичность русской жизни»⁹ и означал принятие ими мер и решений сообразно с обстоятельствами, расстановкой сил на местах, силой или слабостью крестьянского сопротивления. Поскольку все это не поддавалось точному предварительному учету, то оставалось положиться на посредника, предоставив ему самостоятельность решения и выбора между кнутом и пряником.

Периодически мировые посредники уезда собирались на уездный мировой съезд, заседания которого проходили под председательством уездного предводителя дворянства и при участии назначенного губернатором и утвержденного министерством внутренних дел чиновника — «члена от правительства». Мировой съезд был второй инстанцией рассмотрения спорных дел и жалоб на решения посредника, он занимался рассмотрением и решением ряда вопросов, связанных с утверждением уставных грамот, определением сроков взноса оброков, наймом землемеров и т. п.

Губернской инстанцией системы мировых учреждений являлось Губернское по крестьянским делам присутствие, где уже в сильной степени была представлена губернская администрация. В присутствии в качестве председателя входил губернатор, членами его являлись управляющий палатой государственных имуществ и губернский прокурор. Помещики были представлены

---

⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. I, стр. 183.

четырьмя членами, два из них «приглашались» Министерством внутренних дел и два избранные на собрании предводителей дворянства. Губернское присутствие решало общегубернские вопросы, возникающие при проведении реформы, занималось рассмотрением некоторых уставных грамот, добровольных соглашений, разбирало жалобы на мировых посредников и уездные мировые съезды.

Губернские присутствия начали свою деятельность сразу же вслед за опубликованием манифеста об отмене крепостного права и рассылки «Положений» 19 февраля. Формирование же состава мировых посредников несколько затянулось, хотя и началось немедленно после провозглашения реформы. Мировым посредникам правительство и дворянство придавало очень большое значение. Либеральное руководство Министерства внутренних дел и либерально настроенные деятели реформы стремились провести в ряды посредников своих единомышленников, которые сумели бы реализовать установленные нормативы, не урезая их и не обостряя антагонизма крестьян и помещиков. Самым большим шагом министерства в этом направлении был «высочайше одобренный» циркуляр губернаторам от 22 марта 1861 г.¹⁰ Циркуляр являлся отражением тревожных ожиданий русского правительства в эту пору. Подчеркнув всю важность создаваемого института, от которого «будет много зависеть успех предпринятого государственного преобразования», циркуляр ставил непременным условием при отборе посредников сочувствие их реформе и доверие к ним крестьян. Последнее было особенно важно для навязывания крестьянам грабительских условий реформы, для борьбы с их сопротивлением. «Крестьяне, — писал С. С. Ланской, — не всегда будут в состоянии уяснить себе из самого закона сущность своих прав и обязанностей и потому желательно, чтобы в случае сомнений они сами добровольно обращались к посредникам, а не искали себе посторонних, не всегда благонамеренных советников». Циркуляр еще раз подтверждал принадлежность губернаторам права окончательного отбора кандидатуры посредника и предлагал помощь министерства в деле рекомендации в посредники «образованных и благонадежных лиц дворянского сословия, служивших в С.-Петербурге и не всегда лично известных губернаторам».

Такая «помощь» министерства внутренних дел, явно граничавшая с приказанием, в ряде случаев была оказана. Известно, например, что тульский губернатор П. М. Дараган получил целый список лиц, которых министерство хотело видеть среди тульских посредников. Когда преемник С. С. Ланского П. А. Валуев в связи с жалобой тульского губернского предводителя дворянства на неправильное назначение мировым посредником

¹⁰ ПСЗ II, т. XXXVI, № 36770; Русская мысль, 1896, кн. 4, стр. 51—52.

Л. Н. Толстого послал губернатору запрос, П. М. Дараган ответил, что Л. Н. Толстой назначен посредником вследствие ходатайства ряда помещиков и, кроме того, он был указан прежним министром «в числе некоторых других лиц, пользующихся лучшей известностью».¹¹

Кроме того, ряд лиц был направлен в губернии с рекомендательными письмами. С. И. Носович прибыл к новгородскому губернатору в апреле 1861 г., имея рекомендательное письмо, подписанное С. С. Ланским.¹²

А. Н. Куломзин пишет, что он отправился служить мировым посредником в Костромскую губернию, следуя усиленным настояниям Н. А. Милютина и Я. А. Соловьева, видимо, снабдивших его и необходимыми сопроводительными бумагами. «Милютин старался иметь по возможности в каждом уезде по крайней мере по одному человеку из лиц вполне надежных, т. е. искренне сочувствующих реформе. Этим лицам из министерства указывали губернатору, и они были назначаемы»,¹³ — рассказывает он.

Князь В. А. Черкасский и барон В. А. Менгден еще в декабре 1860 г. составляли для Тульской губернии список возможных кандидатов в мировые посредники.¹⁴

Эта деятельность Министерства внутренних дел в направлении создания либерального состава мировых посредников была скоро прервана последовавшей в конце апреля 1861 г. отставкой С. С. Ланского и Н. А. Милютина. Перемена в руководстве министерством была, как известно, произведена в угоду недовольному реформой дворянству. Новый управляющий министерством П. А. Валуев не замедлил заявить о своих взглядах на принцип отбора в посредники, сильно отличавшихся от точки зрения его предшественника. Когда буквально через несколько дней после его прихода в министерство возник вопрос о противоположности мнений губернатора и местных помещиков относительно кандидатур посредников, П. А. Валуев категорически поставил непременным условием утверждения посредника согласие на это дворянства. Произошло это в связи с обращением в министерство нижегородских помещиков. Начальником Нижегородской губернии в это время был А. Н. Муравьев, участник движения декабристов, человек либеральных взглядов, первым из губернаторов, откликнувшийся на рескрипты о подготовке реформы. На совещании с нижегородскими предводителями дворянства он не согласился на утверждение некоторых из предлагаемых ими

---

¹¹ Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, стр. 437.

¹² Крестьянская реформа в Новгородской губернии. Записки С. И. Носовича. 1861—1863 гг. СПб., 1899, стр. 8.

¹³ А. Н. Куломзин. Воспоминания мирового посредника. Зап. ОР ГБЛ, т. X, 1941, стр. 10.

¹⁴ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский..., стр. 221.

кандидатов, причем аргументировал свое право на единоличное решение этого вопроса, в частности, ссылками на циркуляр Министерства внутренних дел от 22 марта 1861 г. Упорно стоявшие на своем предводители послали в министерство телеграмму с жалобой на действия А. Н. Муравьева. Ответная телеграмма П. А. Валуева фактически отменяла этот циркуляр и настаивала на обязательном соглашении с дворянством,¹⁵ что при твердой позиции помещиков практически означало торжество их мнения. Телеграмма управляющего министерством сыграла свою роль. Помещикам удалось провести угодных им посредников. О нравственных качествах этих помещичьих ставленников можно судить по перлюстрированному III отделением Собственной е. и. в. канцелярии письму жительницы Нижегороды Елизаветы Ш. 14 мая она писала в Москву И. И. Живареву: «У нас нельзя себе представить, каких людей выбрали себе нижегородские помещики в мировые посредники, все, что ни есть хуже и по нравственности, и нетрезвости, и уму; понятно, какую доверенность такие личности будут иметь от крестьян и какое влияние они будут иметь на них, а из Петербурга предписывают, чтобы не противиться помещикам и предводителям и как можно более соглашаться с ними».¹⁶

Перемена в руководстве министерства обрадовала реакционное дворянство, а проявление П. А. Валуевым в приведенном случае позиции в вопросе о посредниках усилило давление дворянства на губернаторов, укрепило их притязания. Большой поклонник П. А. Валуева крайний реакционер П. Д. Стремоухов, бывший в то время нижегородским предводителем дворянства, писал о нем в своих воспоминаниях: «... с самого почти вступления его в управление министерством нельзя было не заметить существенной перемены в характере отношения к дворянству в смысле большего к нему доверия, как это проявилось, между прочим, в деле столкновения между губернатором и предводителями в Нижнем по поводу назначения мировых посредников».¹⁷

Таким образом, перемена в Министерстве внутренних дел, несомненно повлияла на складывавшийся в это время состав мировых посредников в сторону его поправления.

В разных условиях проходило назначение посредников. В одних губерниях оно целиком попадало в руки помещиков, в других — зависело исключительно от губернатора, в третьих — было результатом компромиссного решения. В губерниях с малым числом помещиков назначение посредников происходило без участия дворянства из местных чиновников.

¹⁵ ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 115, л. 326—326 об.

¹⁶ 75 лет назад. Красный архив, 1936, т. 1 (74), стр. 34.

¹⁷ Русская старина, 1903, кн. XI, стр. 273—274.

Институт мировых посредников сложился в основном в апреле—июле 1861 г. и насчитывал в 1861—1863 гг. около 1700 человек, очень неравномерно распределявшихся между губерниями. Если в Вятской губернии в это время было всего 6 мировых участков и такое же количество посредников, а в Олонецкой — 5, то Владимирская, Орловская, Рязанская и Тверская губернии насчитывали каждая примерно по 60 мировых участков и соответственное число посредников.¹⁸ Количество мировых участков в губернии зависело от числа находившихся там временнообязанных крестьян.

Деятельность института посредников с точки зрения стоявших перед ним первоочередных задач отчетливо распадается на два периода. Первый период — 1861—1863 гг., когда главным в его работе было обеспечение принятия крестьянами условий реформы и юридическое оформление новых отношений помещиков и крестьян в виде уставных грамот. Второй период их службы, 1864—1874 гг., главными задачами имел развертывание выкупной операции и наблюдение за исправным выполнением крестьянами условий уставных грамот и выкупных сделок.

Особенностью состава посредников первого периода их деятельности была значительная прослойка деятелей либерального направления и лиц передовых общественных взглядов. Среди мировых посредников этого времени — В. А. Черкасский, Д. Ф. Самарин, А. И. Куломзин, М. И. Хилков, П. Н. Обнинский, декабрист А. Е. Розен, петрашевцы Н. А. Спешнев и А. И. Европеус, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, Н. А. Демерт. В губернских присутствиях тогда же заседали Ю. Ф. Самарин, А. И. Васильчиков, П. Н. Свистунов.

Несомненно, что эта часть мировых посредников составляла меньшинство и в самые лучшие времена существования этого института, да это было и естественно, поскольку подавляющее большинство помещиков было настроено реакционно. В начале мая 1861 г. вынужденный уйти из Министерства внутренних дел Н. А. Милютин писал В. А. Черкасскому: «Назначение мировых посредников за ничтожными исключениями попало в руки помещиков».¹⁹ Много позже, в 1875 г., К. Д. Кавелин, с большой симпатией относившийся к институту мировых посредников, особенно к деятелям первого периода, уже после упразднения этого учреждения, отметил, что правительство (он имел в виду С. С. Ланского и Н. А. Милютина) «позаботилось о том, чтобы в члены губернских присутствий и мировые посредники попали люди, расположенные к делу; но и это, при всем старании, уда-

¹⁸ Ведомость о расходах на учреждения по крестьянским делам. Приложение к всеподданнейшей записке П. А. Валуева «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.». ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1861 г., д. 161 лл. 51 об.—52.

¹⁹ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский. . . , стр. 277.

лось не вполне — так незначительно было меньшинство, сочувствующее освобождению».²⁰

Но, несомненно также и то, что это меньшинство мировых посредников было самой деятельной и наиболее привлекающей к себе внимание общества частью института, что позднее и позволило создать легенду о либерализме этого института в целом на первом периоде его существования, самым полным выражением которой была упомянутая статья А. А. Корнилова. Складыванию этой легенды способствовало и появление в периодике довольно большой группы мемуаров именно этой части посредников, обычно озаглавленных «Воспоминания мирового посредника первого призыва», где они, естественно, апологетически изображали и собственную деятельность, и деятельность своих коллег.²¹

Нет никакого сомнения в том, что при любом составе посредников ход развития событий и картина жизни пореформенной деревни никак существенно не изменилась бы. Известно, что разница между крепостниками и либералами в крестьянском вопросе была крайне незначительна и заключалась лишь в различии взглядов на границы необходимых уступок. Для подавляющего большинства либералов реформа 1861 г. являлась пределом их аграрной программы и, участвуя в ее проведении, они стремились осуществить ее близко к «букве» Положений 19 февраля. Так называемые крепостники же стремились при реализации «освобождения» по возможности «вознаградить» помещиков дополнительно, удовлетворяя их требования.

Либеральные настроения некоторых посредников, отражавшие вчерашний день правительственных намерений и правительственной политики, пришли в явное несоответствие с правительственным курсом в вопросе о посредниках, представляемым в первую очередь Министерством внутренних дел, и вызвали резкое осуждение воспрянувших духом помещиков, почувствовавших эту перемену, а также ряд правительственных мер, обусловивших изменение состава мировых посредников ко второму этапу их существования. Это изменение состава посредников было отмечено В. И. Лениным, внимательно изучавшим историю пореформенной политики в крестьянском вопросе: «Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли».²²

---

²⁰ К. Д. Кавелин. Чем нам быть? Соч., т. II, стр. 886.

²¹ Многие из мемуаров посредников указаны в библиографии, приложенной П. А. Зайончковским к его работе «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» (стр. 449—452).

²² В. И. Ленин, ПСС, т. 4, стр. 430.

Состав мировых посредников в первое время существования института был чрезвычайно пестрым. Современники оставили ряд крайне противоречивых отзывов об этих деятелях.

В 1936 г. в первом номере журнала «Красный архив» была опубликована целая подборка выдержек из перлюстрированных в 1861 г. III отделением писем, где содержалась совершенно уничтожающая характеристика мировых посредников разных губерний (стр. 33—35).

Одновременно известно и много похвальных отзывов о личных качествах и деятельности посредников, в том числе отзывы Ю. Ф. Самарина, Д. Д. Оболенского, А. П. Беляева, А. Ф. Кони, А. А. Фета.²³

Эта разница в оценках и характеристиках посредников является естественным отражением неоднородности состава мирового института. Особенно заметна она в тех случаях, когда автор дневника или воспоминаний дает зарисовку целой группы посредников, всех посредников уезда или нескольких уездов. Такие характеристики, чрезвычайно яркие и выразительные, разбросаны по страницам уже упоминавшегося дневника С. И. Носовича, являвшегося «членом от правительства» в мировом съезде и сталкивавшегося со всеми посредниками нескольких уездов Новгородской губернии. К. Ф. Головин оставил описание всех четырех посредников одного из уездов Тверской губернии, где находилось имение его семьи.²⁴

Мировым посредникам отводилась далеко не последняя роль в деле борьбы с крестьянским движением. Либеральная печать возлагала на посредников в первую очередь задачу идейной обработки крестьянина, внушения ему мысли о покорности и непротивлении. В идеале мыслилось создание системы «отеческой» опеки представителей помещиков, мировых посредников, над крестьянской массой, направляемой опытной рукой в нужном направлении.

П. П. Сумароков в момент складывания института посредников напутствовал их наставлением: «Мировым посредникам предстоит завидная роль первых просветителей народа... Если посредник сумеет приобрести над крестьянами влияние нравственное, сумеет приобрести полное их доверие, они очень скоро поймут настоящее значение и цель прав, им дарованных, очень-очень почувствуют, как благодетельна для них совершившаяся

---

²³ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский..., стр. 266; Д. Д. Оболенский. Воспоминания. Русский архив, 1894, № 10, стр. 258; Воспоминания А. П. Беляева. Русская старина, 1886, № 11, стр. 302; А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. V. Л., 1929, стр. 8; А. А. Фет. Воспоминания, т. II. М., 1890, стр. 32.

²⁴ К. Головин. Мои воспоминания, т. I. 2-е изд., СПб., б. г., стр. 83—84.

реформа».²⁵ «Современная летопись», еженедельное приложение к «Русскому вестнику», в это же время предупредила: «Успех или неуспех учреждения мировых посредников будет совершенно зависеть от степени энергии, которую обнаружит личная инициатива высших классов нашего общества» (1861, № 13, стр. 14). Поэтому при первых известиях о волнениях крестьян правительство поспешило ускорить введение в строй мирового института. П. А. Валуев предложил Главному комитету санкционировать временное допущение их к исполнению обязанностей одновременно с отправкой губернатором представления в Сенат, не ожидая, как это предусматривалось Положением о крестьянских учреждениях, указа об утверждении. Такая мера была одобрена Главным комитетом и 11 мая 1861 г. утверждена императором.²⁶

Создание аппарата крестьянского управления и начало действий посредников совпадают с определенным спадом крестьянского движения, что ставится местными властями, а вслед за ними и правительством в прямую связь. «Открытие действий мировых учреждений не осталось без влияния на ход реформы; характер и число беспорядков начали постепенно изменяться и уменьшаться», — подводило итог Министерство внутренних дел в своем отчете за трехлетие.²⁷

Конечно, не создание системы крестьянского самоуправления и не мировые посредники были главной причиной этого спада, не они спасли страну от широкого крестьянского восстания, причины того, что оно не произошло, коренились во внутренней слабости крестьянского движения, неразвитости политического сознания, отсутствии организованности и понимания целей борьбы забитым и бесправным русским крестьянством. Однако, мировые посредники несомненно являлись активными помощниками самодержавия в подавлении сопротивления крестьянских масс. Более полутора тысяч человек, находящихся в самом центре совершающихся преобразований и хорошо знающих обстановку, влились в ряды правительственных колонн, отражавших волну крестьянского недовольства, занялись убеждением, рассмотрением и разрешением жалоб, споров между помещиками и крестьянами, переводя опасное для правительства и помещиков стихийное возмущение крестьян в гораздо более спокойное и безопасное русло обычного судебного разбирательства. Но осуществление задачи подавления сопротивления крестьян потребовало трехлетних усилий аппарата правительственных и крестьянских

---

²⁵ П. П. Сумароков. Деревенские письма. (Письмо X). Отечественные записки, 1861, №№ 5—6, стр. 207.

²⁶ Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния, т. I. Пгр., 1918, стр. 69—73.

²⁷ Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 по 19 февраля 1864 г. СПб., 1864, стр. 15.

учреждений. Поэтому общая положительная оценка правительством деятельности посредников в этом направлении может быть объяснена только явным снижением уровня требований по сравнению с первоначальными планами и нежеланием открыто признавать слабости в работе этого помещичьего института. Ведь именно на посредников возлагалась обязанность разъяснения крестьянам окончательности решения реформой земельного вопроса и отсутствия у них каких-либо перспектив дополнительного наделения землей. Однако ожидания крестьянами «новой воли», являвшиеся питательной почвой волнений и отказов от выполнения помещичьих повинностей, так никогда и не были развеяны посредниками.

Институт мировых посредников, созданный в первую очередь и главным образом ради помещиков, ради отстаивания в новых условиях их экономических интересов, пришел неожиданно для правительства в резкое столкновение с поместным дворянством, вызвал открытое и активное недовольство.

Помимо многочисленных жалоб отдельных помещиков, начавшихся с первых дней работы посредников, довольно частыми были и коллективные протесты помещиков против деятельности мировых посредников, коллективные настойчивые требования уездного поместного дворянства об отстранении какого-либо посредника или группы посредников и замене их другими. Можно с полным основанием утверждать, что недовольство дворян мировым институтом было не следствием его пристрастия к крестьянству, а результатом их возмущения условиями реформы, в известной мере ограничивающей их власть. Это возмущение и оборачивалось против посредников, являвшихся исполнителями ее. Любое проявление крестьянином несогласия с помещиком квалифицировалось как «бунт», а любой отказ посредника удовлетворить притязания помещика назывался «попустительством», «пристрастием к крестьянам», «популярничаньем» и даже «подстрекательством» крестьян к неповиновению.

А. Е. Розен рассказывает, что он трижды получал как мировой посредник (он служил в Изюмском уезде Харьковской губернии) извещение из одного и того же поместья, что «люди явно бунтуют», а при разборе им дела оказывалось, что один из дворовых всего-навсего потребовал выплаты ему жалованья, что предусматривалось ст. 15 Положения о дворовых.²⁸

В феврале 1862 г. собравшиеся в г. Быхове (Могилевская губерния) помещики передали на рассмотрение мирового съезда постановление, обвиняющее посредников в том, что они «недостаточно защищают интересы дворян» и являются «расхитителями общественного достояния».²⁹

²⁸ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 381.

²⁹ Современная хроника России. Отечественные записки, 1862, № 6, стр. 62—63.

В октябре 1861 г. в Великолуцком уезде Псковской губернии сложились крайне неприязненные отношения помещиков и мировых посредников. На состоявшемся в это время уездном дворянском съезде помещики потребовали отставки посредников Гердзея и Голенищева-Кутузова. Последний вызвал особую ненависть уездных помещиков и в особом постановлении, переданном съездом губернскому предводителю для пересылки министру внутренних дел говорилось: «... г. Кутузов... постоянно высказывает своими действиями враждебное отношение к многим из дворян и имеет вредное влияние на крестьян, нарушающее спокойствие края».³⁰ Жалоба дворян не подтверждалась какими-либо фактами и была лишена всяких оснований, о чем псковский губернатор В. Н. Муравьев сообщил П. А. Валуеву.³¹

В сентябре 1861 г. произошло сильное столкновение присутствовавших на мировом съезде Брянского уезда Орловской губернии помещиков с мировыми посредниками. Помещики, возглавляемые уездным предводителем, «бранили» посредников, требовали их отставки и суда. Нападки дворян были так же неосновательны, как и в Псковской губернии, и посредников поддержал в своей телеграмме в Министерство внутренних дел орловский губернатор.³²

Годом позже, в октябре 1862 г., произошло такое же коллективное выступление против посредников на дворянском съезде Кинешемского уезда Костромской губернии. В переданном помещиками губернатору специальном постановлении съезда содержалось категорическое требование об отстранении одного из них, А. П. Грека, и о вынесении губернским присутствием А. Н. Куломзина, Сыроватскому и М. П. Яковлеву предписания соблюдать «строгую справедливость», не допускать уклонений от Положений 19 февраля и от «должной вежливости». Посредников обвиняли в бездействии, медленности в составлении уставных грамот, непринятии мер к взысканию с крестьян повинностей, непочтительном и даже враждебном отношении к помещикам. Произведенное расследование обнаружило несправедливость обвинений.³³ Более чем сомнительные и на первый взгляд обвинения помещиков — посредников — в неприязни к своему классу, пренебрежении его интересами во имя крестьянства становятся совершенно нелепыми, если заглянуть в воспоминания А. Н. Куломзина, где он пишет, что предварительно составленные посредниками уезда на совместном совещании заповеди гласили: «никогда с крестьянами не мнидальничать, отнюдь за ними не ухаживать, а внушать им доверие неличеприятным строгим исполнением наших обязанностей... Для водворения дисциплины

³⁰ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862, д. 20, лл. 11 об.—12.

³¹ Там же, лл. 3—4.

³² ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 115, л. 71—71 об.

³³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 162; ф. 1341, оп. 112, д. 1184.

настаивать самым неуклонным образом на исполнении крестьянами их обязанностей в отношении помещиков».³⁴ Таким образом, причины недовольства помещиков явно коренились не в «филантропии» посредников, а в реформе и пореформенных сложностях хозяйственной жизни.

Перечень подобных фактов можно было бы продолжить; пожалуй, не было губернии, где не слышались бы упреки в адрес посредников при самом разнообразном составе посредников и при широком участии дворян в определении этого состава.

Для правительства упреки эти были тем неприятнее, что среди обвинителей посредников находились зачастую влиятельнейшие лица, такие как владелец огромных поместий, заводчик и сановник граф С. Г. Строганов, известный богач С. И. Мальцов, крупный помещик М. Н. Лонгинов.

В мае 1863 г. в Министерство внутренних дел обратился с письмом С. Г. Строганов, в котором объяснял происходящие в Пермской губернии «беспорядки» и «волнения» действиями мировых посредников.³⁵ В июле 1863 г. он посылает конфиденциальное письмо и к А. Е. Тимашеву, в то время временному генерал-губернатору Пермской, Казанской и Вятской губерний, в котором просит «оградить интересы пермских землевладельцев от крайнего произвола действий мировых учреждений, начинающих выходить из пределов всякого уважения к законности и праву».³⁶ Обвиняя посредников в увлечении «модным фальшивым либерализмом», он заявлял: «...ослабление между крестьянами понятий о законности и обязанностях, дошедшее до того, что крестьяне не только без принуждения земской полиции не платят оброков, но перестают заботиться о своем благосостоянии, проводя время на сходках в праздности и лени, — суть неоспоримые результаты деятельности господ пермских мировых посредников».³⁷ С. Г. Строганов предупреждал, что в случае непринятия А. Е. Тимашевым каких-либо мер он обратится в Главный комитет об устройстве сельского состояния.

В Пушкинском доме в фонде П. А. Валуева хранятся несколько любопытных писем, написанных министру весной 1863 г. известным историком литературы, владельцем нескольких имений М. Н. Лонгиновым.³⁸ В числе других вопросов, поднимаемых М. Н. Лонгиновым с позиций озлобленного реформой крепостника (реформа, по его определению, — «непостижимый акт произвола против класса, который государи называли „умом и душою народа“»³⁹), он писал и о мировых посредниках в выражениях,

³⁴ А. Н. Куломзин. Воспоминания мирового посредника, стр. 14.

³⁵ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, л. 16 об.

³⁶ ЦГИА, ф. 1092, оп. 1, д. 970, л. 1.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ИРЛИ, ф. 559, д. 49.

³⁹ Там же, л. 1 об.

близких к словам С. Г. Строганова, изображая их людьми, «разоряющими и оскорбляющими» помещиков, «награждающими крестьян из чужого кармана» и не несущими за это никакой ответственности.⁴⁰ Ответов П. А. Валуева обнаружить не удалось, но он отвечал М. Н. Лонгинову очень подробно, о чем свидетельствует письмо П. А. Валуева А. Г. Тройницкому. Пересылая 17 марта 1863 г. последнему для ознакомления одно из писем М. Н. Лонгинова и свой ответ на него, министр писал: «Одному Лонгинову я бы не отвечал так пространно, но он пишет именем Каткова».⁴¹ Однако и при отсутствии ответа П. А. Валуева о той части его письма, где говорилось о посредниках, можно судить по очередному письму М. Н. Лонгинова. П. А. Валуев утешал своего корреспондента тем, что посредники бегут с занимаемых должностей сами, так что не нужны никакие указы Сената. Вот этот отрывок из письма М. Н. Лонгинова П. А. Валуеву из Москвы от 11 апреля 1863 г.: «Вы говорите, что Сенат, например, не смеял посредников, но зато они удалялись добровольно. Но я знаю, что значит добиться до такой добровольной отставки посредника и скольких он разорит, пока его „доймут“ отданные ему в крепость помещики. Жаловаться на него положительно не ведет ни к чему: тут целая организованная шайка, покрывающая друг друга, явный, хотя и безмолвный комплот: известного рода посредники защищаются губернскими присутствиями, а те и другие Земским отделом и даже Комитетом (имеется в виду Главный комитет об устройстве сельского состояния, — В. Ч.). Общий голос по всей России это утверждает».⁴²

Этим обстоятельством, т. е. постоянными проявлениями помещичьего недовольства по отношению к институту посредников, в большой степени определялась политика Министерства внутренних дел в этом направлении.

Для главы министерства П. А. Валуева было совершенно очевидно, что возводимые помещиками обвинения были лишены основания. «... при обнаруживающейся во многих случаях односторонности взгляда (помещиков, — В. Ч.)... нельзя не сомневаться в основательности большей части подобных жалоб»,⁴³ — доносил он в сентябре 1861 г. императору. Но при всем этом для него, получившего министерский портфель исключительно из-за стремления правительства успокоить взволнованное реформой дворянство, продемонстрировать ему свою благосклонность, были чрезвычайно важны заявления помещиков, и он шел навстречу их требованиям.

⁴⁰ Там же, лл. 3 об.—4.

⁴¹ Русская старина, 1899, № 8, стр. 473.

⁴² ИРЛИ, ф. 559, д. 49, л. 7.

⁴³ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862. М.—Л., 1950, стр. 67.

Отношение П. А. Валуева к мировым посредникам определялось не только его симпатиями к помещикам, которых он считал серьезно и несправедливо обиженными реформой,⁴⁴ но и его стремлением к созданию сильной бюрократической власти в центре и на местах. В этой связи выборный институт, не подчиненный непосредственно ни власти губернаторов, ни власти Министерства внутренних дел, не мог его устраивать. Отстранение посредников от службы решением Сената лишь при условии совершения ими поступков, подлежащих рассмотрению суда, делало практически невозможным вмешательство министерства в дело увольнения посредников, не нарушивших закона, но вызывающих недовольство поместного дворянства, а потому нежелательных для пребывания на своих должностях. «Устранение по возможности раздражительных столкновений (дворянства, — В. Ч.) с мировыми посредниками»⁴⁵ было постоянной его заботой. Возможно, что он был в принципе против существования этого института. Во всяком случае уже в сентябре 1861 г. в своей первой большой записке по крестьянскому делу, поданной им императору, он зондирует почву относительно пересмотра в будущем его судьбы.⁴⁶

Хотя министр внутренних дел в официальных бумагах, по крайней мере в первое время, положительно отзывался о составе и действиях института мировых посредников,⁴⁷ не желая критиковать одного из установлений недавно свершившейся реформы, вся его деятельность доказывает, что посредники не пользовались его расположением и что он всячески стремился к их ликвидации. Это подтверждается и прямым высказыванием его в частном письме к товарищу министра внутренних дел А. Г. Тройницкому. «Я настаиваю на общем принципе, — писал он в августе 1862 г., — что посредникам не следует давать ни одного лишнего шага, а, напротив, убавлять их ход, где можно. Я не люблю друзей наших врагов и пока у нас не будет несменяемых судей, я не понимаю несменяемости посредников, которым хотят придать административное значение».⁴⁸ Однако поскольку прямо ставить вопрос о ликвидации института посредников он не мог, то он шел, во-первых, по линии создания для Министерства внутренних дел возможности регулировать состав

---

⁴⁴ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах, т. I. М., 1961, стр. 334.

⁴⁵ П. А. Валуев. «Всеподданнейшая» записка 26 апреля 1866 г. Исторический архив, 1958, № 1, стр. 151.

⁴⁶ Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 72.

⁴⁷ См., например: Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 71; Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел..., стр. 66, 72, 76.

⁴⁸ Русская старина, 1905, кн. IV, стр. 274.

посредников и, во-вторых, по линии борьбы с их либеральными устремлениями.

Институт мировых посредников еще только начал складываться, а П. А. Валуев уже делает попытку существенно изменить его правовое положение, предоставив Сенату возможность временного немедленного отстранения посредника от службы на основании представления министра внутренних дел, основывающегося на донесении губернатора. Поводом для такой попытки послужила жалоба дворян Бежецкого уезда Тверской губернии на мировых посредников М. И. Хилкова, А. И. Европеуса и А. Н. Неведомского, принесенная и губернскому предводителю дворянства и П. А. Валуеву. Возводимые на посредников обвинения носили мелочный характер и были явно несправедливы, о чем свидетельствовал тверской губернатор.⁴⁹

Однако по жалобе бежецких дворян был сделан «всеподданнейший доклад», в котором П. А. Валуев и предложил рассмотреть вопрос о временном отстранении посредников в случае «одностороннего направления» их деятельности, на что и получил согласие императора.⁵⁰

24 июля 1861 г. представление П. А. Валуева об этом рассматривалось Главным комитетом.⁵¹ В представлении очень неопределенно говорилось о том, что обвинение в «односторонности» будет подтверждаться «местными дознаниями», причем не указывалось кем и как они будут проводиться. Равным образом не указывалась и дальнейшая судьба «временно отстраненных». Институт мировых посредников лишь начинал свою деятельность на основании только что принятого Положения и предложение управляющего министерством являлось слишком быстрой и существенной ревизией закона, основывающегося именно на признании принципа целесообразности известной самостоятельности его действий. Поэтому Главный комитет отверг предложение П. А. Валуева из опасений выхода из института мировых посредников наиболее богатых помещиков.⁵²

Этот шаг П. А. Валуева, не имевший никаких законодательных последствий, интересен тем, что был выражением общего направления дальнейших действий. Все они исходили именно из Министерства внутренних дел и направлены были на введение принципа административного отстранения посредников, в той или иной форме санкционированного министерством. Характерна в этом случае и позиция Главного комитета об устройстве сельского состояния, который на всем протяжении существования мирового института всегда занимал более сдержанную позицию и противостоял часто попыткам министров, сначала П. А. Ва-

⁴⁹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 72, л. 30.

⁵⁰ Там же, лл. 21—24 об.

⁵¹ Журналы Главного комитета. . . , стр. 265—267.

⁵² Журналы Главного комитета. . . , стр. 266—267.

луева, а затем А. Е. Тимашева, изменить систему отстранения посредников от должности. Объяснено это может быть самой ролью Главного комитета, осуществлявшего определенную «охранительную» функцию по отношению к законодательству 19 февраля, а также тем, что многие из его членов в качестве деятелей Главного комитета по крестьянскому делу принимали участие в выработке Положения о мировых посредниках и продолжали сохранять убеждения в правильности его принципов. Кроме того, Главный комитет стоял значительно дальше от бушевавших на местах страстей, зато Министерство внутренних дел подвергалось постоянному давлению и со стороны помещиков, и со стороны губернской администрации.

П. А. Валуев, по-видимому рассчитывавший на легкий успех своей идеи, уяснил себе позицию Главного комитета и усвоил урок. В дальнейшем его шаги в этом направлении были более замаскированы, более убедительны и ловки.

Министерство внутренних дел очень скоро дало понять посредникам, какого направления в своих действиях им следует придерживаться. Кроме распоряжений министерства, последовавших по частным случаям, в газете «Северная почта», официальном органе министерства, появились весьма недвусмысленные статьи, поднимавшие в самом общем виде проблему поведения мировых посредников.

Из решений министерства, последовавших по отдельным предложениям посредников, в этом отношении интересны следующие два. В сентябре 1861 г. тульский губернатор представил на рассмотрение управляющего министерством просьбу мировых посредников Богородицкого уезда о распространении на них предоставленного помещикам права ходатайствовать по делам крестьян.⁵³ Отвечая отказом на эту просьбу, П. А. Валуев писал: «... если бы мировые посредники приняли на себя ходатайство по делам крестьян, то они могли бы сделаться или, по крайней мере, показались бы защитниками исключительно крестьянского интереса и, таким образом, утратили бы свой посреднический характер».⁵⁴ В это же время, узнав о циркуляре владимирского губернского по крестьянским делам присутствия, согласно которому посредникам предоставлялось право по просьбам крестьян обращаться в присутственные места за справками о ходе рассматриваемых в этих учреждениях дел,⁵⁵ он заявил владимирскому губернатору, что такое разрешение «несогласно с прямым назначением этой должности».⁵⁶

Что же касается «Северной почты», то буквально в одном из первых же ее номеров (№ 9 за 1862 г.) была перепечатана из

⁵³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 137, л. 1—1 об.

⁵⁴ Там же, л. 2—2 об.

⁵⁵ Там же, л. 3.

⁵⁶ Там же, л. 4 об.

«Московских ведомостей» статья Замятина «Несколько мыслей по поводу статьи Д. Ф. Самарина „Уставная грамота“, высказывавшего идею «необходимости соблюдения все требования справедливости относительно материальных интересов помещичьего сословия». В комментарии к этой статье В. К. Ржевского, чиновника Министерства внутренних дел и члена редакции газеты, указывалось, что перепечатка ее вызвана убеждением, что «мысли, в ней выраженные, совершенно согласны с истиною».

Через несколько дней в № 18 той же газеты за подписью «К» публикуется статья «О мировых посредниках», где в довольно грубой и резкой форме посредникам, во всяком случае части из них, делался упрек в отсутствии «самостоятельных убеждений», погоне за «господствующим мнением минуты» и пренебрежении интересами помещиков: «Найдутся мировые посредники, которые, забывая, что посредник не создает „Положения“, а исполняет его, что он не политический деятель, а судья, и что произвол, каков бы он ни был, есть подрыв общественного доверия, поставили себе за правило решать все дела в пользу крестьян; оно и легче и удобнее... В тех случаях, когда законное право помещика очевидно, ...от простой дороги совести увлечет такого посредника личная слабость нервов — страх прослыть отсталым и т. п.».

21 февраля 1862 г. «Северная почта» извещает читателей об аресте и предании суду тверских мировых посредников.

Расправа царского правительства с тверскими посредниками сильно ударила по либеральным иллюзиям русского общества вообще и мировых посредников в особенности. Оппозиционное настроенное тверское дворянство в феврале 1862 г. на губернском съезде приняло решение, шедшие несколько дальше намерений правительства. Критикуя некоторые положения реформы, они предлагали осуществление передачи земли крестьянам в собственность при проведении немедленного выкупа у помещиков крестьянских наделов «при содействии» государства. В адресе императору тверское дворянство выдвигало буржуазный принцип равенства, отказываясь от сословных привилегий.

Вслед за этим 13 деятелей мировых учреждений Тверской губернии подписали заявление о том, что считают для себя обязательным выполнение принятого тверскими дворянами постановления, а потому и будут в своей деятельности руководствоваться им. Заявление подписали член губернского присутствия Н. А. Бакунин, председатели уездных мировых съездов А. А. Бакунин и С. М. Балкашин, мировые посредники П. А. Глазенап, А. П. Демьянов, А. Ф. Кислинский, В. Н. Кудрявцев, М. А. Лазарев, А. Ф. Лихачев, А. Н. Неведомский, Н. М. Полторацкий, Н. П. Харламов и Л. А. Широкобоков.⁵⁷

⁵⁷ Освобождение, кн. I. Штутгарт, 1903, стр. 17—23.

Это было единственное коллективное заявление либеральной части посредников о своей программе. Оно оказалось для правительства в определенном отношении весьма кстати, так как позволяло выразить свое отрицательное отношение к подобного рода выступлениям, не прибегая к широким репрессиям. Приговор Сената, вынесенный на основании обвинения «в составлении и распространении сочинения, заключающего в себе недозволённые суждения о постановлениях и действиях правительства» и «нарушении служебного порядка», лишил подписавших заявление деятелей тверских мировых учреждений «некоторых особенных прав и преимуществ» и подвергал их заключению в смиренном доме на 2 года с несколькими месяцами.⁵⁸ Через несколько дней после вынесения приговора, повелением императора они были освобождены из заключения, так что наказание было в значительной мере лишь назиданием.

Заявление тверских посредников, хотя и было единичным фактом, вызвало большой общественный резонанс и свидетельствовало о разногласиях внутри господствующего класса. В. И. Ленин особо отметил этот случай, перечисляя признаки проявления кризиса верхов в период первой революционной ситуации в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в.⁵⁹

Нападки помещиков на мировой институт, линия поведения Министерства внутренних дел порождают среди посредников настроения усталости и разочарования; начинается уход посредников со службы. «Многие мировые посредники бегут, — пишет в октябре 1861 г. А. И. Кошелев В. А. Черкасскому, — не имеете ли и вы подобные истинно-русские намерения?»⁶⁰ Характерным выражением таких настроений является статья мирового посредника А. Половцева «Моя практика и мои ошибки в должности мирового посредника», помещенная 12 марта 1862 г. в недолго вышедшей газете «Мировой посредник». Статья эта полна глубокой горечи и иронии, обращенных главным образом на свои собственные иллюзии. Своими главными ошибками А. Половцев называет приход в институт посредников и то обстоятельство, что он еще не подал в отставку. Его голосом говорят все те посредники, которые шли на службу, будучи глубоко убеждены в возможности «примирить» крестьян и помещиков под сенью Положений 19 февраля. Уже первые месяцы их деятельности разбили их иллюзии. «По мере того как крестьяне стихали, помещики становились все требовательнее: они считали рабочие часы, домогались увеличения тяглов», «с бранью отдавали приказания, страшая преследованием», — так рисует А. Половцев картину пореформенного «мира».

⁵⁸ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 109, лл. 18—21.

⁵⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 5, стр. 29.

⁶⁰ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский. . ., стр. 309.

Созданию внутри института мировых посредников настроений бесперспективности и неустойчивости их положения, а потому и увеличению текучести его состава и снижению интереса к службе способствовала очень скоро возникшая проблема соотношения обязанностей мировых посредников и вновь учреждаемой должности мировых судей. 26 октября 1862 г. государственный секретарь В. П. Бутков, возглавлявший работу комиссии по преобразованию судебной части, обратился к министру внутренних дел с официальным отношением, запрашивая его мнение о возможности объединения обязанностей посредников и судей и высказывая пожелание о выяснении мнений об этом губернских присутствий. П. А. Валуев считал не только возможным, но и необходимым объединение этих должностей, а потому губернским присутствиям был разослан циркуляр, и началось обсуждение проблемы.⁶¹

Окончательное решение последовало лишь в октябре 1865 г., когда Государственный совет, найдя, что мировые посредники имеют специфические обязанности, несовместимые с характером деятельности судей, высказался за сохранение института посредников, изъяв из их ведения ряд судебных дел и передав их мировым судьям.⁶² Именно этим затянувшимся обсуждением можно объяснить некоторое затишье в это время в наступлении Министерства внутренних дел на правовое положение мировых посредников. Единственная крупная мера, проведенная им в это время, касалась лишь количественной стороны института, а не его статуса, но она несомненно преследовала не одну лишь цель сокращения расходов на содержание посредников, а имела в виду и получение возможности регулирования состава посредников под достаточно невинным предлогом.

В июле 1863 г. П. А. Валуев подает в Главный комитет записку, которая, никак не посягая на права посредников и не ставя требований расширения прав Министерства внутренних дел в отношении применения к ним административных мер, предлагала предоставить возможность губернским присутствиям решить вопрос о целесообразности для этого времени количестве мировых участков, а следовательно, и мировых посредников. Правомерность этого шага доказывалась уменьшением обязанностей посредников с введением в действие уставных грамот и необходимостью сокращения расходов на содержание мировых учреждений, обременяющих местный бюджет. Проект министерства предлагал укрупнение мировых участков до 15 тыс. человек в каждом. Новое распределение участков утверждалось министром внутренних дел, мировые посредники увольнялись

⁶¹ ЦГИА, ф. 1190, оп. XVI, 1865 г., д. 8; М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения... ч. 2, стр. 28—32.

⁶² ПСЗ II, т. LX, № 42603.

без особых формальностей, а Сенат только извещался об этом рапортом губернатора. Предложение П. А. Валуева выглядело вполне убедительно, а потому было одобрено Главным комитетом и 26 июля 1863 г. утверждено императором.⁶³

Это постановление оказалось весьма кстати. Должно быть, не случайно этот проект П. А. Валуева появляется на свет сразу же после писем к нему С. Г. Строганова и М. Н. Лонгинова, жаловавшихся на административную неуязвимость посредников. Теперь ключ к ним был найден. «Очень скоро... избретен был радикальный способ избавиться от непрошенных и ненужных уже поборников законности: начали один за другим „сокращаться“ мировые участки»,⁶⁴ — рассказывает П. Н. Обнинский, сам оказавшийся не у дел, ибо именно его участок оказался упраздненным. Был уволен «за сокращением участка» и Сыроватский, тот самый, что вместе с А. Н. Куломзинным и другими посредниками Кинешемского уезда Костромской губернии вызвал обвинения местных помещиков в «несправедливости».⁶⁵ Таким же образом избавился калужский губернатор Э. В. Лерхе от мирового посредника Лаврентьева, жаловавшегося на губернатора в Сенат за расследование высказанных им опасений в предстоящих в связи с разверстаньем угодий «неудовольствиях помещиков и крестьян».⁶⁶ Так же был уволен мировой посредник 5-го участка Спасского уезда Рязанской губернии Пафонов, об отстранении которого от службы губернское присутствие уже послало документы в Сенат.⁶⁷ Всего на основании этого закона было упразднено около 400 мировых участков и уволено столько же посредников.⁶⁸

Проводя с самого начала политику на ликвидацию института мировых посредников или хотя бы на установление над ним административного контроля, что было обусловлено проявившимися либеральными тенденциями части деятелей этого учреждения, а еще более активными проявлениями недовольства помещиков его деятельностью, Министерство внутренних дел всегда официально признавало успешной работу именно первого трехлетнего периода существования института. В 1868 г., например, во «всеподданнейшем докладе», положения которого затем стали переходить из одной официальной бумаги в другую, министр внутренних дел А. Е. Тимашев заявлял: «Ожидания правительства оправдались: в мировые посредники вступили лучшие люди из местного дворянства, вполне сочувствующие крестьянской

⁶³ ПСЗ II, т. XXXVIII, № 39915.

⁶⁴ П. Н. Обнинский. Из воспоминаний юриста. Русский архив, 1892, кн. I, стр. 127.

⁶⁵ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 162, л. 66.

⁶⁶ Там же, д. 92, лл. 11 об.—12.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 1341, оп. 112, д. 1070.

⁶⁸ М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения... ч. 2, стр. 44.

реформе. Подвизаясь с пользой и честью в порученном им деле, они быстро вывели его на тот путь, по которому должны были совершаться и последующие преобразования государственного строя».⁶⁹

Помимо несомненно имевшихся в виду соображений о престиже реформы и ее учреждений, помимо безусловной «снисходительности» при оценке сделанного посредниками, положительный отзыв о деятельности посредников, исходивший из правительственных кругов, покоился и на определенном реальном основании. Реализацию реформы, завершение ее первого, но и, по его представлениям, самого трудного этапа, правительство связывало с составлением и вводом в действие уставных грамот, устанавливающих условия крестьянского землепользования. Подпись крестьян под уставной грамотой означала признание ими реформы, тех условий «освобождения», что были продиктованы им помещиками и государством. Поэтому в первые 2—3 года правительство особенно внимательно следило за этой стороной деятельности посредников. Хотя этот участок работы посредников являлся важнейшим, в настоящей работе нет необходимости заниматься специально его рассмотрением, поскольку это освещается книгой П. А. Зайончковского «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.». Здесь следует отметить лишь два обстоятельства. Во-первых, посредники не смогли завершить ввод в действие уставных грамот в установленный для этого двухлетний период, он затянулся еще на год, захватив весь 1863 г.⁷⁰ Во-вторых, даже для того чтобы завершить его в три года, потребовалось пойти на серьезное облегчение процедуры введения уставной грамоты.

Подпись крестьян под поверочным актом в новых условиях, условиях сопротивления крестьян вводу в действие уставных грамот, была найдена чистой «формальностью», выполнение которой совершенно необязательно. Утвержденным в 1862 г. императором постановлением Главного комитета неподписанная крестьянами уставная грамота передавалась в мировой съезд, который делал на ней пометку об отказе крестьян от подписи под поверочным актом, затем она зачитывалась на сходе и начинала считаться действующим документом, дающим основания «требовать непременно исполнения всего изложенного в грамоте».⁷¹ После этого решения Главного комитета дело пошло значительно быстрее. Как едко писал С. Н. Терпигорев, сам помещик Тамбовской губернии, черпавший материалы для своих очерков прежде всего оттуда: «Уставные грамоты пеклись у нас, как блины, „без рассуждений“, в имениях же мировых посредни-

⁶⁹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 189, л. 81—81 об.

⁷⁰ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 112.

⁷¹ Журналы Главного комитета. . . , стр. 441—442.

ков таких рассуждений было еще меньше, и при этом, следовательно, печенье получалось еще вкуснее». ⁷²

В итоге более половины уставных грамот не были подписаны крестьянами вообще, а из подписанных значительную часть составляли грамоты, под которыми подпись крестьян была получена путем угроз и принуждения. ⁷³

Таким образом, следует признать, что институт мировых посредников не выполнил в полной мере возлагавшихся на него задач даже в первое трехлетие своей деятельности, признаваемой правительством наиболее успешной. Причины этого коренились не в каких-либо особенностях состава или личных качеств посредников, а в объективных трудностях осуществления реформы, разительно непохожей на представления крестьян о действительном освобождении от помещика и действительном наделении землей.

Завершение первого трехлетия службы посредников совпало с общим спадом крестьянского движения и укреплением позиций правительства. В этой связи опасения правительства относительно крестьянских выступлений перестают быть одним из главных определяющих моментов в крестьянской политике, что немедленно сказывается на мировых посредниках. Прекращаются разговоры о «примирении» помещиков и крестьян, забывается обязательство пересмотреть правила выбора посредников, вопрос об участии крестьян в этих выборах даже не поднимается. Служба мировых посредников просто продлевается ежегодными (до 1867 г. включительно) постановлениями Главного комитета.

Новый этап деятельности посредников начинается в другой обстановке, в сокращенном и обновленном составе мировых посредников, с новыми главными задачами.

Большинство либерально настроенных деятелей к этому времени уже покинуло ряды института мировых посредников. Вышел в отставку В. А. Черкасский; доказав несправедливость возводимых на него обвинений, подает в отставку А. Н. Куломзин; не выдержав ежедневной травли тульских помещиков, оставляет службу Л. Н. Толстой; уже не служит посредником Н. И. Пирогов. Тверские посредники не у дел после ареста, суда и помилования; часть посредников остались без места после сокращения мировых участков.

На новом этапе службы мировых посредников на первый план выходят задачи наблюдения за выполнением крестьянами условий уставных грамот и развертывания выкупной операции. В той части деятельности посредников, которая касалась составления документации как по уставным грамотам, так и по выкупным

⁷² Сергей Атава (С. И. Терпигорев). Оскудение, т. I. СПб., 1882, стр. 372.

⁷³ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 106, 109.

сделкам, дело всегда обстояло относительно благополучно. Самая простая часть задачи заключалась в поверке и засвидетельствовании правильности составленной грамоты или заключаемого выкупного договора, поэтому выкупная операция с количественной стороны развивалась достаточно успешно. К 1870 г. более половины помещичьих крестьян (55%) уже были охвачены выкупной операцией.⁷⁴ Но зато добиться от нищего русского крестьянства исправного несения податных обязанностей было значительно труднее. Мировые посредники ведали самыми крупными и тяжелыми для крестьян видами платежей: оброчными и выкупными. Обеспечение безнедоимочного поступления этих платежей в условиях крестьянского малоземелья, низкой производительности крестьянских хозяйств, завышенных по сравнению с доходностью земли платежей за землю было задачей чрезвычайно трудной. Поэтому постоянные жалобы помещиков на непринятие мировыми посредниками мер понуждения крестьян к платежу оброков, а губернаторов на то же в отношении выкупных платежей являются постоянными спутниками мирового института во все время его существования.

Целый ряд дел по жалобам помещиков на нераспорядительность посредников доходит до Сената, вызывая вынесение административных взысканий и даже отстранение от службы с передачей дела на рассмотрение суда. В 1866 г. решением Сената был предан суду нижегородский посредник капитан-лейтенант Моисеев, основное обвинение против которого сводилось к допущению им, вследствие «бездействия», накопления оброчной недоимки по имени Лысково, принадлежащему графине А. Г. Толстой. Губернское присутствие нашло Моисеева виновным даже в «поддержании упорства крестьян в неплатеже».⁷⁵ Мировой посредник Ардатовского уезда Нижегородской губернии князь Оболенский, неоднократно обвинявшийся управляющим именем генерал-майора Дурново в непринятии мер по взысканию оброков, был освобожден Сенатом от обвинения, поскольку представил доказательства своей «энергичной» деятельности по продаже крестьянского скота на пополнение недоимки, бедности крестьян и невозможности поэтому применения к ним дальше мер взыскания.⁷⁶

В связи с проблемой недоимки ухудшается отношение к институту мировых посредников губернских властей. Министерство внутренних дел многочисленными циркулярами требовало от губернаторов принятия мер к своевременному взносу крестьянами помещичьих и казенных платежей и погашению накопившейся

⁷⁴ П. Кованько. Реформа 19 февраля и ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861—1907 гг.). Киев, 1914, стр. 199.

⁷⁵ ЦГИА, ф. 1341, оп. 117, д. 168.

⁷⁶ Там же, оп. 127, д. 79.

недоимки. Губернаторы в свою очередь с подобными требованиями обращались к мировым посредникам и зачастую не встречали в них должной исполнительности. В 1866 г. в связи с двумя циркулярами Министерства внутренних дел от 20 марта и 24 июля 1865 г. о пополнении недоимки пермский губернатор Б. В. Струве обратился к министру внутренних дел с объяснением о положении в губернии дела с недоимкой и состоянием отчетности по ней. Вся вина за наличие недоимки по оброчным и выкупным платежам возлагалась им на мировых посредников. Оказывается, установить причины и выяснить количество недоимки через посредников невозможно. На постановление губернского присутствия и циркуляр губернатора о представлении в присутствие сведений о недоимке из 32 посредников губернии ответили лишь 8, из них пять составили ведомости о недоимке с указанием причин ее образования, а остальные трое, не представляя ведомостей, сообщили о ее причинах.⁷⁷ «...вообще неисполнение со стороны их (посредников, — В. Ч.) законов и распоряжений начальства вошло здесь более или менее в обычай»,⁷⁸ — заключал губернатор свое донесение и предлагал уволить через Сенат в виде исключения административным порядком нескольких посредников, чтобы как-то воздействовать на них в «столь важном деле, как взыскание повинностей».⁷⁹ В это же время вятский губернатор Н. В. Кампанейщиков просил министерство «о принятии каких-либо мер к воздержанию посредников от произвола и неуловимых противодействий общей системе управления, приносящих в совокупности громадный вред»⁸⁰ и приводил в качестве примера действия мирового посредника Федоровского (Слободской уезд), который «дозволил себе» написать уездному исправнику, чтобы полиция без просьбы его или волостных правлений о полицейском вмешательстве не принимала никаких мер по взысканию податей.⁸¹ Поэтому в Сенат шли дела не только по жалобам помещиков, но и по ходатайствам губернских присутствий о привлечении посредников к ответственности. В связи с недоимками выкупных платежей и плохим состоянием отчетности костромское губернское присутствие в 1871 г. возбуждало дело против мирового посредника Нерехтского уезда М. Д. Раткова, но Сенат освободил его от обвинения.⁸² Зато посреднику Калужского уезда Зыбину в это же время выносятся Сенатом выговор «за непринятие мер для своевременного пополнения выкупных платежей».⁸³ Тяжесть наказания

⁷⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 81, лл. 18—22.

⁷⁸ Там же, л. 22.

⁷⁹ Там же, л. 21 об.—22.

⁸⁰ Там же, 1867 г., д. 97, лл. 10 об.—11.

⁸¹ Там же, лл. 5 об.—6.

⁸² ЦГИА, ф. 1341, оп. 127, д. 224.

⁸³ Там же, д. 290.

зависела от наличия еще каких-либо упущений посредника по службе и от умения представить объяснения по возводимым на него обвинениям.

Бывали случаи, когда неплатежеспособность крестьян была настолько очевидна, что мировой посредник не только не принимал сам мер взыскания, но и протестовал против принятия таких мер полицией. Летом 1866 г. мировой посредник Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Попов направил уездному исправнику, весьма ревностно занимавшемуся сбором податей, резкое письмо, где обвинял его в бесчеловечных действиях в отношении измученных неурожаем, голодом, тифом и надежом скота крестьян. Он называл положение крестьян «бедственным», настойчивость исправника — «доводящей оголодавших крестьян до уныния», предупреждал о «грустных последствиях» такого поведения и угрожал сообщить об этом губернатору и министру. Исправник обратился с жалобой на Попова в губернское присутствие, которое, видимо, одобряло служебное рвение исправника, потому что нашло письмо Попова оскорбительным и ходатайствовало перед Сенатом об отстранении посредника от службы. Но Сенат ограничился вынесением Попову строгого замечания.⁸⁴

В связи со сложностью взимания с крестьян оброчных и выкупных платежей, хронической задолженностью по ним постоянно тревожимые министерствами Внутренних дел и Финансов начальники губерний, еще не решаясь ставить вопрос о несообразности оброков или выкупных платежей с доходами крестьян, сводят проблему недоимки к бездействию посредников и отсутствию у губернского начальства возможности привлечения их к ответственности иначе, чем через Сенат, к чему зачастую нет формальных оснований. Некоторые из губернаторов уже в 1866—1867 гг. начинают говорить о предпочтительности передачи всех обязанностей по взысканию недоимок полиции и даже вообще о целесообразности ликвидации института мировых посредников. В 1867 г. в Министерство внутренних дел поступили две записки. Одна из них принадлежала перу псковского губернатора Б. П. Обухова.⁸⁵ В этой записке Обухов, между прочим, писал: «Можно положительно сказать, что передача административной деятельности мировых посредников полиции принесет весьма значительную пользу делу и в то же время доставит земству большое сбережение».⁸⁶

Другая записка была составлена уже упоминавшимся М. Н. Лонгиновым, который в апреле 1867 г. был назначен орловским губернатором. Датирована она ноябрем 1867 г.⁸⁷ Об отноше-

⁸⁴ Там же, оп. 117, д. 259.

⁸⁵ Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.

⁸⁶ Русский администратор... стр. 44.

⁸⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 57—80.

нии Лонгинова-помещика к мировым посредникам уже говорилось, голос Лонгинова-губернатора звучал еще решительнее. Никакие общие проблемы положения крестьянского хозяйства его не волновали. Его план борьбы с недоимкой был прост и конкретен. Единственная причина существования недоимки — мировые посредники, которые в волостях не бывают, мер взыскания не применяют, сплошь и рядом вообще не представляют себе положения с уплатой платежей и суммы недоимки, занимаются «популярничаньем», «лже-филантропией», «снисходительностью» к неплательщикам. Привлечение же их к порядку невозможно, так как это «единственная безответственная должность в России», а потому «хозяин губернии» оказывается в безвыходном положении. Между тем решение сложной проблемы крестьянских платежей, по М. Н. Лонгинову, чрезвычайно просто: следует лишь упразднить мировых посредников, значительно расширить полицейский штат и передать полиции обязанности посредников по наблюдению и взысканию платежей, предоставив ей широкое право применения телесного наказания. «После многих лет совершенной распущенности, водворившейся между крестьянами, — писал М. Н. Лонгинов, — необходимо без всяких колебаний принимать меры самые энергические относительно производимых ими и допускаемых их выборными начальниками беспорядков. Телесное наказание не уничтожено в нашем законодательстве, как бы не хотели уверять в этом некоторые. Да и уничтожать его невозможно еще на долгое время... Если наказание это существует в законе, то и стыдиться его нечего».⁸⁸ Читавший записку П. А. Валуев нашел в ней «много справедливого», отметив, правда, что в ней содержится и «много крайнего и к применению невозможного».⁸⁹

Губернаторы вообще испытывали значительные трудности, когда обращались к посредникам, поскольку последние, пользуясь независимостью своего положения, иногда просто отказывались исполнять предписания «их превосходительств», мотивируя свой отказ несоответствием предписания кругу их обязанностей.

Особенно болезненно ощущали губернаторы независимость посредников тогда, когда должности посредников занимали не помещики, а мелкие чиновники. Такое явление было с самого начала распространенным и имело тенденцию развиваться. Во всех тех случаях, когда в губерниях не хватало помещиков для замещения должностей мировых посредников, губернатор прибегал к назначению посредников из местных чиновников. С самого начала почти целиком бюрократический состав посредников сложился в таких губерниях, как Пермская, Олонецкая,

⁸⁸ Там же, л. 67—67 об.

⁸⁹ Там же, л. 57.

Вятская, Вологодская. В 1863 г. эта часть института мировых посредников значительно увеличилась. В марте 1863 г. генерал-губернаторам западных губерний было предоставлено право смещения по своему усмотрению прежних посредников и назначения новых без какого бы то ни было согласования с Сенатом.⁹⁰ В результате этого в западных губерниях сложился новый состав посредников из русских военных и гражданских чиновников. Таким образом, и состав посредников западных губерний и их задачи отличались значительным своеобразием.

Но если в западных губерниях в силу особых политических условий такое положение с составом посредников признавалось нормальным, то в великорусских губерниях это стало проблемой. Предоставляя столь обширные полномочия и столь большую независимость мировым посредникам, правительство исходило из возможности наделения такими правами и преимуществами лишь поместных дворян, причем главным образом крупных помещиков. Предоставление же такого привилегированного положения группе обычных мелких чиновников вовсе не входило в его планы. Идея введения бюрократической части института посредников в иные правовые рамки неоднократно высказывалась губернаторами и находила сочувствие в Министерстве внутренних дел. В апреле 1864 г. в Земском отделе министерства для представления в Главный комитет была составлена записка «О переименовании мировых посредников и кандидатов губерний, где нет дворянских выборов, в чиновников, временно командированных для выполнения сих обязанностей впредь до особого распоряжения правительства».⁹¹

Первоотличком для возникновения записки послужило упоминание письма С. Г. Строганова в Министерство внутренних дел (май 1863 г.). Для изучения положения крестьянского дела в Пермской губернии туда был командирован действительный статский советник Н. А. Мордвинов, подвергший критике состав и деятельность мировых посредников этой губернии. По итогам его поездки и на основании записки в министерство генерал-губернатора А. Е. Тимашева и было составлено представление Министерства внутренних дел в Главный комитет. А. Е. Тимашев прямо связывал «неправильное направление» деятельности пермских посредников с их социальным составом.⁹² И А. Е. Тимашев и пермский губернатор А. Г. Лашкарев видели выход из создавшегося положения в переводе мировых посредников таких губерний, как Пермская, на служебные права обычных прави-

---

⁹⁰ ПСЗ II, т. XXXVIII, № 39354; По вопросу о порядке утверждения и увольнения мировых посредников в северо- и юго-западных губерниях. ЦГИА, ф. 1341, оп. 112, д. 1037.

⁹¹ ЦГИА, ф. 4291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. 1, лл. 10—44.

⁹² Там же, л. 47—47 об.

тельствственных чиновников.⁹³ Эта мысль и поддерживалась министерством в указанной записке в Главный комитет. Записка констатировала своеобразный состав мировых посредников в губерниях, где проживает мало поместного дворянства и где нет дворянских выборов. По Пермской губернии проводились следующие данные: из 70 посредников, служивших в губернии в 1861—1863 гг., только 8 были местными помещиками, 7 — помещиками других губерний, из них пятеро — мелкопоместными, остальные посредники были просто чиновниками, причем не всегда даже дворянами.⁹⁴ При независимости посредников от губернских властей и «отсутствии той среды, какую образуют в прочих губерниях в мировых съездах и вне оных уездные предводители дворянства и другие опытные дворяне-помещики» мировые посредники недостаточно рьяно, с точки зрения пермских помещиков и губернской власти, боролись за интересы помещиков. «Во многих случаях, — говорилось в записке, — со стороны мировых посредников было допущено превратное толкование Положений о крестьянах; под влиянием ложных филантропических побуждений и непонимания настоящим образом своих обязанностей мировые посредники не имели вполне практического взгляда на крестьянские дела, из которых многим давалось по сему весьма неправильное направление; наконец, действия этих должностных лиц по взысканию недоимок и в других случаях, требовавших неотложных мер, были вялы и нерешительны из опасения довести дело до беспорядков в больших размерах».⁹⁵ Такая резкая критика поведения пермских посредников соседствует с одновременным признанием об отсутствии в министерстве данных о «злонамеренных действиях по крестьянскому делу» кого-либо из них,⁹⁶ что безусловно является свидетельством того, что эти посредники вовсе не были какими-то «крестьянскими заступниками», иначе губернское присутствие могло в обычном порядке возбуждать дело перед Сенатом о нарушении посредником служебных обязанностей и «одностороннем направлении» его деятельности. От них требовалось лишь более энергичное и послушное выполнение требований помещиков в отношении денежных взысканий с крестьян и приведения последних в должное повиновение. Записка министерства не получила дальнейшего хода, что может быть объяснено тем, что в это время находился в процессе рассмотрения общий вопрос о слиянии посредников с институтом мировых судей. Впоследствии вопрос о необходимости создания иных условий служебного подчинения посредников, назначаемых из чиновников, неоднократно подни-

---

⁹³ Там же, л. 18.

⁹⁴ Там же, л. 12.

⁹⁵ Там же, л. 19.

⁹⁶ Там же, л. 14.

мался преемником А. Г. Лашкарева пермским губернатором Б. В. Струве,⁹⁷ астраханским⁹⁸ и вятским⁹⁹ губернаторами.

Наличие значительной прослойки чиновников в институте мировых посредников являлось характерной особенностью этого учреждения, что должно было влиять на отношение к нему центральной и местных властей, поскольку в корне подрывалась самая идея законодателей, планировавших создание системы помещичьей опеки над крестьянином и передачу в руки помещиков решения всех возникающих спорных вопросов между помещиками и крестьянами. Чиновничий элемент в рядах посредников с течением времени увеличивался по мере ухода части посредников в отставку, по мере развития дворянского «оскудения», распродажи помещиками имений и переезда их в город. Эту особенность мирового института отмечал один из мировых посредников: «за мировыми посредниками первого призыва пошли на эту службу чиновники».¹⁰⁰

Вскоре недовольство институтом мировых посредников становится явлением широко распространенным. А. Е. Розен в своих записках рассказывает о том, что в 1865 и 1867 гг. во время своих поездок по 12 губерниям он повсеместно слышал упреки в адрес посредников по поводу их бездействия.¹⁰¹ Ф. П. Еленев в «Отечественных записках» в 1867—1869 гг. писал о «вырождении мировых учреждений», «формальном», «бумажном» характере несения посредниками своих служебных обязанностей.¹⁰² Н. А. Демерт в одном из своих обзоров, отмечая общие жалобы на бездействие мировых посредников, подтверждал в очень язвительной форме утрату последними служебного рвения. «Не трудно заметить, — говорил он, — что самые мировые посредники вовсе уж не те, что были прежде, в первые годы. Прежние наперебой один перед другим старались устроить как можно больше добровольных соглашений, во что бы то ни стало, хотя бы с раздроблением челоустей и подбитием глаз у несоглашавшихся упрямых мужиков, а нынешние посредники знают цену своим трудам, они употребляют труд весьма умеренно».¹⁰³ По приводимым Министерством внутренних дел данным во всеподданнейших отчетах за 1868 г. 25 губернаторов из 28 «сильно порицали» деятельность посредников, указывая, между прочим, на «равнодушие» к службе, «медлительность в удовлетворении настоятельных нужд помещиков и крестьян» и «достойную сожаления слабость дей-

⁹⁷ Там же, 1861 г., д. 81, лл. 21—22.

⁹⁸ Там же, лл. 24—25.

⁹⁹ Там же, 1867 г., д. 97, лл. 10—11.

¹⁰⁰ Н. А. К. Мировые посредники первого призыва. (Личные воспоминания). Исторический вестник, 1904, № 7, стр. 100.

¹⁰¹ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 391.

¹⁰² Скалдин. В захолустьи и в столице. СПб., 1870, стр. 17, 22, 222.

¹⁰³ Н. Демерт. Внутренняя хроника. Отечественные записки, 1871, № 3, стр. 155.

ствий даже по взысканию недоплат с сельских обществ и неточное исполнение поручений губернских по крестьянским делам присутствий». ¹⁰⁴

С 1866 г. к помещичьим нападкам на посредников и недовольству ими со стороны местных властей присоединяется голос нового элемента — земства, которое не имело никакого права контроля над учреждением, чье содержание производилось за счет местного бюджета. Постоянно заявляя о тяжести расходов на эту статью, земство одновременно жаловалось на то, что не встречается у мировых посредников никакой поддержки в своих начинаниях, и ходатайствовало о передаче ему права выбора посредников и даже об упразднении этого института. Н. А. Карышев подсчитал, что до 1874 г., момента перестройки учреждений по крестьянским делам, земства только о ликвидации посредников ходатайствовали 25 раз. ¹⁰⁵ Всего же за первое двадцатилетие существования земских учреждений они 169 раз ставили вопрос о преобразовании местных крестьянских учреждений. ¹⁰⁶

Министр внутренних дел П. А. Валуев был связан в деле совершенного упразднения должности посредника выраженным в октябре 1865 г. мнением Государственного совета о необходимости сохранения этого института, что шло вразрез с его собственной точкой зрения. «Моя мысль отринута, — пометил он по этому поводу на полях одной из бумаг Земского отдела, — но, конечно, сохранилась. Государственный совет может только указывать мне путь моих действий, но никогда не может изменить моих понятий». ¹⁰⁷ Поскольку П. А. Валуев не мог реализовать свои «понятия» в вопросе о посредниках и должен был действовать в условиях сохранения института, то все его усилия в 1866—1868 гг. направляются на создание для губернаторов и министерства возможности активного регулирования состава посредников.

В 1866 г. он проводит два важных постановления, подрывающие значение института мировых посредников. В марте 1866 г. Главный комитет утверждает его предложение об укрупнении мировых участков, доводя норму крестьян, входящих в каждый участок, до 25 тыс. человек. ¹⁰⁸ Соответственно уменьшился численно состав посредников.

Другая мера была более важной и глубокой и касалась всего учреждения в целом. Ее проведению способствовало усиление реакционного направления в политике русского правительства, начавшееся после покушения Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Возглавляет это направление сменивший

¹⁰⁴ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 442 об.—443.

¹⁰⁵ П. А. Карышев. Земские ходатайства. 1865—85. М., 1900, стр. 104.

¹⁰⁶ Там же, стр. 102.

¹⁰⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, л. 47 об.

¹⁰⁸ ПСЗ II, т. XLI, № 43145.

В. А. Долгорукова на посту главноуправляющего III отделением Собственной е. и. в. канцелярии П. А. Шувалов. П. А. Валуев удерживается в министерском кресле и, чутко улавливая «колебания высочайшей воли», идет в ногу со временем. Он начинает кампанию по ограничению прав земства и усилению губернаторской власти. В этих условиях становится возможным и дальнейшее наступление на институт посредников.

В июне 1866 г. П. А. Шувалов секретным отношением извещает П. А. Валуева о наличии в III отделении сведений, что Михаил Шошин, который «позволяет себе проводить в обществе крайне социальные идеи», стремится к замещению должности мирового посредника 1-го участка Буинского уезда Симбирской губернии, что нежелательно, поскольку он «вреден для службы», так как сможет «развивать свои преступные идеи между крестьянами». ¹⁰⁹ П. А. Валуев не замедлил сообщить об этом симбирскому губернатору. ¹¹⁰ Вопрос о политической благонадежности посредников, таким образом, ставился очень остро. Поэтому, когда оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский в октябре 1866 г. обратился в III отделение и Министерство внутренних дел с ходатайством об отстранении, в порядке исключения, административным путем от службы мирового посредника Бирского уезда Уфимской губернии Песляка по этим мотивам, и П. А. Шувалов и П. А. Валуев отнеслись к этому ходатайству чрезвычайно внимательно. ¹¹¹ Песляк обвинялся в политической неблагонадежности, выразившейся в знакомстве с сосланными участниками восстания 1863 г. и выражении им сочувствия, а также в «неправильном» направлении его посреднической деятельности. Приведенные Крыжановским факты не доказывали нарушения Песляком служебного долга, но были явно не по вкусу губернскому и петербургскому начальству. Оказывается, он объяснил удельным крестьянам, ряд дел по устройству которых был передан в ведение мировых посредников, о принадлежности им на правах собственности купленных их предками земель, что вызвало в этих селах трудности с составлением уставных грамот. Входившим в его мировой участок башкирам Песляк объявил о дарованной им воле, но, как пишет Крыжановский, «в чем состоит эта воля, в каких границах и каким подчиняется правилам, не разъясняет; этим простые люди сбиты с толку, воображают, что они независимы и от своих ближайших начальников, шумят на сходках, никого не слушая и никому не повинаясь». ¹¹² Но, так как действия Песляка, с одной стороны, не подсудны, а с другой стороны, нежелательны, то обычное представ-

¹⁰⁹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 123, 1866 г., д. 86, л. 1.

¹¹⁰ Там же, л. 2—2 об.

¹¹¹ Там же, оп. 53, 1866 г., д. 272.

¹¹² Там же, лл. 5 об.—6.

ление об отстранении его через Сенат становится невозможным. О ходатайстве Крыжановского П. А. Шувалов доложил императору, от которого было получено согласие на рассмотрение дела в Комитете министров по представлению министра внутренних дел. Должно быть, не случайно этот вопрос был поставлен на рассмотрение в Комитете министров, только что высказавшемся за усиление губернаторской власти, а не в Главном комитете, всегда очень осторожно подходившем к проблеме престижа мировых посредников. Особенность Комитета министров служить местом, куда, по его выражению, «сплавляли» всякого рода «рогатые» дела, «дабы не участвовать в одиозных решениях», отмечал последний председатель его С. Ю. Витте.¹¹³

Воспользовавшись согласием Шувалова с необходимостью удаления Песляка в административном порядке и разрешением императора на рассмотрение дела, П. А. Валуев подает в Комитет министров записку, на которой значится внушительное «по высочайшему повелению», где очень подробно излагает всю историю с Песляком, всячески создавая видимость решения по частному случаю. И лишь в самом конце, буквально в последних строках представления, он делает тот решающий ход, из-за которого единственно и был важен этот эпизод: «ввиду настоящего случая занятия должности посредника лицом крайне неблагонадежным по политическому направлению и принимая в соображение, что случаи эти могут повторяться и в других губерниях, ... министр внутренних дел признавал бы полезным: предоставить генерал-губернаторам по предварительном сношении с министром внутренних дел и шефом жандармов, а в губерниях, где нет генерал-губернаторов, министру внутренних дел, по представлениям губернаторов и по предварительном сношении с шефом жандармов, устранять от должностей мировых посредников, обнаруживших несомненную политическую неблагонадежность, с тем чтобы о причинах устранения были представляемы подробные сведения Правительствующему сенату».¹¹⁴

15 ноября 1866 г. записка П. А. Валуева рассматривалась на заседании Комитета министров.¹¹⁵ Маневр его удался, хотя и не полностью. Если проект Валуева предоставлял генерал-губернаторам и министру право окончательного отстранения посредников от службы с почти полным обходом Сената, который лишь извещался об этом, то положение Комитета министров, нашедшего неудобным такое принципиальное изменение процедуры отставки,

¹¹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 261.

¹¹⁴ ЦГИА, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 272, л. 21—21 об.

¹¹⁵ Журнал Комитета министров см.: ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3222, лл. 172—185 об. — История рассмотрения вопроса Комитетом министров как «дело о мировом посреднике П.» изложена в кн.: С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. I. СПб., 1902, стр. 127—128.

оставляя в неприкосновенности всю предлагаемую проектом системе представлений и согласований, давало генерал-губернаторам и министру возможность лишь временного отстранения посредников, сохраняя последнее слово за Сенатом. Это решение было следствием и общего поправления правительственного курса, и перемены отношения к посредникам в правительственных кругах. Положение Комитета министров, получившее «высочайшее утверждение» 25 ноября 1866 г., имеет одну особенность: его тщетно было бы искать в открытых изданиях. О том, чтобы оно не было опубликовано, позаботился тот же Валуев, известивший Сенат о «неудобстве», с его точки зрения, публикации этого документа «во всеобщее сведение».¹¹⁶

На этом наступление Министерства внутренних дел на институт мировых посредников не остановилось. Вскоре П. А. Валуев подготавливает новый проект, осуществление которого должно было совершенно обновить состав мирового института, подхлестнув его работоспособность и приведя его в соответствие с желаниями губернской администрации и местных помещиков. В декабре 1867 г. в связи с истечением очередного годичного срока полномочий посредников в Земском отделе составляется записка «О служебной деятельности мировых посредников после 1 января 1868 г.», подается министру, исправляется по его пометам и 13 января 1868 г. за его подписью передается в Главный комитет.¹¹⁷ Ссылаясь на «практически доказанное неудобство» ежегодного продления срока службы посредников, записка предлагала вернуться к избранному их порядком, предусмотренным Положением о мировых учреждениях, несколько расширив круг кандидатов за счет включения в списки всех лиц, служивших уже посредниками, независимо от наличия условий ценза. Ясно, что такая мера, будь она проведена, позволяла с большой легкостью отстранить посредников, по тем или иным причинам вызвавших недовольство поместного дворянства и губернаторов. Целесообразность осуществления ее объяснялась в записке двумя важными мотивами. Во-первых, потребностью изменить состав посредников согласно переменам, происшедшим после реформы в помещичьем лагере, исключить из него людей, отошедших от проблем землевладения, и ввести вместо них лиц, наиболее связанных с его судьбами. Во-вторых, таким способом можно было бы избавиться от тех, кто не сумел обеспечить исправного поступления средств в кошелёк помещика и государственную казну. «Распоряжение это имело бы еще ту полезную сторону, что... отстранило бы от дела таких мировых посредников, которые, что, к сожалению, в последнее время представляется все чаще и чаще, не соответствуют важности возлагаемых на них обязан-

¹¹⁶ ЦГИА, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 272, л. 22—22 об.

¹¹⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 1, лл. 12—22.

ностей»,¹¹⁸ — так формулируется в записке эта цель. Это первое официальное заявление Валуева о неудовлетворительности деятельности не отдельных посредников, а уже как о характерной черте, присущей всему институту мировых посредников. Представление Валуева не рассматривалось в Главном комитете по той причине, что вскоре последовала его отставка, а преемник его этот вопрос поставил иначе. Почва для этого в очень большой степени была подготовлена всей предшествующей политикой Валуева вообще и одной из последних его «всеподданнейших» записок в частности.

В марте 1868 г. Валуев был смещен с поста министра внутренних дел, указ об его отставке был подписан императором 9 марта. Поводом к смещению был голод, охвативший ряд губерний России, и непринятие мер против него Министерством внутренних дел. Отставке предшествовала пачатая против министерства газетная кампания, вдохновляемая не любившим Валуева наследником престола великим князем Александром Александровичем.¹¹⁹ Чувствуя шаткость своего положения, Валуев готовится парировать удар, представив императору развернутую программу правительственной политики. Выдвижение этой программы должно было поправить его пошатнувшиеся позиции, а в случае вынужденной отставки служить своего рода политическим завещанием.¹²⁰ С этой целью в феврале 1868 г. он составляет несколько записок по разным вопросам внутренней политики. Среди них была и та, что касалась мировых посредников самым непосредственным образом. В записке «О положении губернского управления»¹²¹ им было отведено значительное место.

Если еще месяц назад в записке в Главный комитет Валуев не решается говорить о ликвидации института, а всего лишь предлагает обновить его состав, то ныне перед лицом нависшей угрозы отставки он делает более решительный ход, позволив себе известный риск. «Институт мировых учреждений, — пишет он, — оказал неотъемлемую услугу государству. Но высокое значение, какое придавало им общественное мнение, не могло не иметь и отрицательных сторон, не лишенных значения в правительственном отношении. Многие говорили, а пресса старательно доказывала, что только за пределами иерархических условий, вне рамок чиновной деятельности есть возможность разумно относиться к народному делу. Само правительство при образовании новых учреждений приняло в основание возможное устранение чиновного элемента, ожидая более успеха от лиц образованных, материально обеспеченных и знакомых с народом, чем от

¹¹⁸ Там же, лл. 18 об.—19.

¹¹⁹ П. А. Зайончковский. П. А. Валуев. (Биографический очерк). В кн. Дневник П. А. Валуева... т. I, стр. 43—44.

¹²⁰ Дневник П. А. Валуева... т. II, стр. 240—241.

¹²¹ ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 297, лл. 1—21.

чиновников, не связанных с крестьянами взаимными имущественными интересами. Все это поколебало веру в достоинство административных органов и значительно ослабило их влияние. С окончанием поземельного устройства крестьян, присутствие этого посредствующего элемента между народом и правительственной властью едва ли мыслимо. Постепенное упразднение мировых посредников будет мерою не только экономической, но и соответствующею государственным целям».¹²² Этот тезис Валуева привлек к себе внимание императора и вызвал появление «высочайшей» пометы: «сообразить». Такая помета давала возможность идти дальше и выдвигать предложения практического порядка. Поскольку Валуеву не удалось на этот раз удержаться ни министерском посту, то реализация этой возможности досталась на долю его преемника. Им оказался генерал-адъютант А. Е. Тимашев, известный своей пятилетней (1856—1861 гг.) службой в III отделении в качестве управляющего и начальника штаба корпуса жандармов и открытой неприязнью к крестьянской реформе. В связи с историей мировых посредников имя его уже упоминалось: он поддерживал мысль о превращении части посредников в правительственных чиновников с обычной системой их подчинения и административной отставкой.

По-видимому, Тимашев придавал очень большое значение проблеме организации руководства крестьянским делом на самой первой его ступеньке, в волостях и уездах, чем именно и занимались мировые посредники. Иначе трудно объяснить тот факт, что уже 11 марта 1868 г. (указ о назначении А. Е. Тимашева подписан 9 марта) управляющий делами Главного комитета С. М. Жуковский возвращает в Министерство внутренних дел представление Валуева от 13 января 1868 г. «О служебной деятельности посредников после 1 января 1868 г.» на основании «изъявленного» Тимашевым «желания»,¹²³ т. е. первым шагом нового министра в первый день его службы было распоряжение о приостановке движения дела о посредниках в том направлении, которое давало ему это представление Валуева, имевшее в виду сохранение института посредников, и решение его судьбы на иной основе. Эта основа была сформулирована во «всеподданнейшем» докладе, поданном Тимашевым 23 сентября 1868 г. возвращавшемуся из заграничной поездки императору.¹²⁴ В докладе испрашивалось разрешение на рассмотрение вопроса о роспуске института мировых посредников и создании нового учреждения, которое Тимашевым мыслилось как составная часть общего бюрократического аппарата страны.

При наличии рассуждений о заслугах первого состава посредников записка являлась признанием несостоятельности института

¹²² Там же, л. 6—6 об.

¹²³ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 5, л. 2—2 об.

¹²⁴ ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 189, лл. 78—90.

в решении стоящих перед ним задач. Два момента выделялись среди этих задач особо: напряженное положение с платежом крестьянами податей и приближение 1870 г., завершающего установленный Положением 9-летний срок, в течение которого был невозможен отказ крестьян от надела. И то и другое сильно беспокоило нового министра внутренних дел, заставляя искать средства для поправки существующего положения с недоимкой в крестьянских платежах и предупреждения возможных осложнений, связанных с будущими отказами крестьян от земель. Мировые посредники отвергались Министерством внутренних дел в качестве действенных проводников правительственной политики в таких условиях и выдвигалась идея создания учреждения «сильных и надежных исполнителей», находящегося в тесной связи с другими институтами, «посредством которых государство приводит в исполнение заботливость свою о сохранении порядка, о спокойствии и безопасности граждан и о развитии материальных и нравственных сил народа».¹²⁵

Согласие императора на обсуждение предложения министра внутренних дел в установленном законом порядке было получено.¹²⁶

Тимашев рассчитывал на очень скорое разрешение дела о посредниках и быструю замену их облеченными большой властью и большой ответственностью перед министерством чиновниками. Он планировал начать работу нового учреждения к 1870 г. Однако его расчеты были опрокинуты медленностью и неповоротливостью бюрократической машины. В обсуждение проекта преобразования системы учреждений по крестьянским делам¹²⁷ оказался втянутым целый ряд ведомств: министерства Внутренних дел, Финансов, Юстиции, Государственных имуществ, II и III отделения.¹²⁸ Точки зрения ведомств на характер необходимых изменений расходились, всякое предложение вызывало критику. Возможно, не последнюю роль в этом играло межведомственное соперничество. Служивший в то время во II отделении К. Ф. Головин признавался, что критика присылаемого на отзыв проекта или записки были повсюду «делом обязательным, и плохим считал себя тот сановник, который не доказал бы, что мнение его коллеги неосновательно».¹²⁹ Разногласия концентрировались главным образом вокруг проблем: следует ли полностью распустить институт посредников или сохранить последних в небольшом количестве, и если упразднить, то возможно ли распределение их обязанностей между существующими учреждениями или

¹²⁵ Там же, лл. 87 об.—88.

¹²⁶ Там же, л. 78.

¹²⁷ ЦГИА, ф. 1161, оп. 2, 1868 г., д. 103, лл. 110—112 об.

¹²⁸ Материалы обсуждения вопроса сосредоточены в делах ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, чл. I—III; ф. 1181, оп. т. XV, 1873 г., д. 34.

¹²⁹ К. Головин. Мои воспоминания, т. I, стр. 158.

необходимо создание нового института, причем последний мог быть осуществлен в двух вариантах — либо в виде единоличной должности, либо в виде коллегии. Тимашев неоднократно пытался ускорить процесс обсуждения, рассылая просьбы о присылке отзывов министерств и канцелярий, но дело явно надолго затягивалось.

В итоге именно потому, что 1870 год неумолимо надвигался, а согласованный проект не был готов, пришлось отказаться от мысли осуществить роспуск и замену посредников к 9-летию реформы. Но министр внутренних дел в этих условиях не мог не попытаться хотя бы усилить зависимость мировых посредников от министерства, чтобы иметь большие возможности влиять на их деятельность. В поданной в конце ноября 1869 г. в Главный комитет записке¹³⁰ он предлагал изменить систему утверждения посредников и отстранения их от службы, передав это право министру внутренних дел, а вынесение решений об административном удалении их и наложение на них дисциплинарных взысканий предоставить власти губернских присутствий. Однако Главный комитет и на этот раз (февраль 1870 г.) не считал возможным пойти на предложенное изменение правового положения посредников — отстранение их через Сенат — тем более что он не считал предлагаемую меру действенным средством улучшения состава их и что вскоре предполагалось вторичное рассмотрение вопроса о коренной перестройке учреждений по крестьянским делам. И все же, поскольку к этому времени убежденность Главного комитета в необходимости предельно осторожного обращения с этим дворянским институтом была сильно поколеблена, члены Главного комитета согласились предоставить губернским присутствиям полномочия на временное отстранение посредников от службы, производимое одновременно с отправкой представления об этом в Сенат.¹³¹

Таким образом, законами 1866 и 1870 гг. права генерал-губернаторов, губернаторов, губернских присутствий и Министерства внутренних дел в отношении смещения посредников были значительно расширены. Правовое положение посредников к этому времени уже очень сильно отличалось от первоначально установленного. Проведенное в 1871 г. увеличение высшего размера мировых участков¹³² еще более сократило институт посредников количественно.

Следующие три года разработки нового законопроекта и обсуждения его (1870—1873 гг.) были временем полного упадка и обреченности института, так как сообщения о реорганизации его проникли в печать. Н. А. Демерт в 1872 г. во «Внутреннем обозрении» (один из заголовков которого был «Одиннадцатая

¹³⁰ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 422—450 об.

¹³¹ Там же, лл. 466—476.

¹³² ПСЗ II, т. XLVI, № 49664.

годовщина освобождения крепостных крестьян и радостные вести об упразднении мировых посредников») писал: «Дело дошло до того, что сами даже мировые посредники (Рязанская губ. Сапожковский у.) ходатайствовали о самоуничтожении или самоистреблении, признавая себя совершенно ненужными».¹³³

Наконец, после пяти лет межведомственных согласований, в 1873 г. проект, одобренный четырьмя министерствами и двумя канцеляриями, был направлен в Главный комитет, значительно изменен там, затем одобрен Государственным советом уже в выработанном Главным комитетом варианте и 27 июня 1874 г. утвержден императором.¹³⁴

По этому закону мировые посредники и их съезды упразднялись. Исключение составляли лишь те губернии, где еще не были введены земские и судебные учреждения, специально оговаривалось сохранение посредников в Пермской и западных губерниях и Бессарабской области. Обязанности посредников и их съездов передавались полиции, судебным и нотариальным учреждениям, а также вновь создаваемому уездному по крестьянским делам присутствию. Последнее должно было состоять из уездного исправника, председателя уездной земской управы и почетного мирового судьи. Председательствовал в нем уездный предводитель дворянства. Уездному присутствию передавались обязанности посредника по надзору за крестьянским общественным управлением, полицейский исправник наследовал его функции по контролю за поступлением оброчных и выкупных платежей. Губернское присутствие, из которого выводились представители помещиков, пополнялось председателем казенной палаты и председателем губернской земской управы.

И все-таки правительство даже теперь, через полтора десятка пореформенных лет, убедившись в неработоспособности института посредников, не смогло отказаться от самой идеи, вызвавшей в свое время его создание, идеи неременного участия помещиков в определении судеб крестьянства и решении проблем, лежащих на стыке помещичьих и крестьянских интересов. Помещичье правительство и не могло поступать иначе.

Поэтому новый закон предусматривал учреждение должности «неременного члена», входящего в уездное присутствие. Именно ему передавались обязанности посредников, касающиеся наиболее важных для помещиков вопросов. Это были дела по жалобам и спорам, возникающие в связи с содержанием уставных грамот, по искам крестьян о землях, купленных ими до отмены крепостного права на имя своего владельца, по разверстанию и обмену угодий, по перенесению крестьянских усадеб. Неременный член подчинялся условиям ценза, установленным для мировых посред-

¹³³ Отечественные записки, 1872, № 1, стр. 198.

¹³⁴ ПСЗ II, т. XLIX, № 53678.

ишков, по иначе назначался на службу. В отборе кандидатов теперь принимали участие уездные присутствия и губернские земские собрания. Присутствия составляли списки помещиков, имеющих право на занятие должности, земское собрание отбирало из них по два кандидата на место, губернатор составлял окончательный список, утверждавшийся министром внутренних дел. Непременные члены оказывались в подчинении министерства, уравнивались в правах с чиновниками, служащими по назначению, в том числе в правах на чин, пенсию и пошение форменного мундира Министерства внутренних дел. Утверждались в должности они сроком на три года по одному человеку на уезд. Служба в коллегиальном учреждении и подчиненность Министерству внутренних дел должны были стимулировать их деятельность.

Закон этот, таким образом, усиливал правительственный элемент в системе учреждений по крестьянским делам, делал незначительную уступку требованиям земства, допуская его к отбору кандидатов в непременные члены и участию в делах уездных и губернских присутствий, делал акцент на учреждения коллегиальные.

Упразднение института мировых посредников прошло для русского общества почти незамеченным. Если на пороге его возникновения и в первое время существования печать была наполнена рассуждениями о его назначении и будущем, наставлениями и напутствиями, то беславный конец сопровождался почти полным молчанием. Правительство не решилось обойти этот вопрос и опубликовало 27 июля 1874 г. в «Правительственном вестнике» одновременно с текстом закона большую статью, составленную в Земском отделе на основе рекомендаций великого князя Константина Николаевича, разъясняя правомерность произведенной перемены. Из больших журналов на это событие откликнулся только «Вестник Европы» (1874, № 10), посвятивший посредникам во «Внутреннем обозрении» несколько страниц, наполненных главным образом изложением нового закона.

Перестройка учреждений по крестьянским делам была реакцией правительства на возникшие в крестьянском вопросе трудности, попыткой решить их путем организационных переделок в управлении. Преобразование системы крестьянских учреждений не изменило и не могло изменить положения на местах, поэтому в связи с продолжающимися и все возрастающими затруднениями и сложностями на этом участке внутренней жизни в конце 80-х годов вновь возникает мысль о реорганизации местного крестьянского управления, и прежняя идея помещичьей опеки и контроля над крестьянством приводит к созданию института земских начальников, во многом наследовавшего черты института мировых посредников.